

One critical approach states that the liberal image of humanity is based on that of a healthy, well-educated, white male. If Liberalism is indeed a male-defined sphere, and women suffer injustice within the family sphere, neither legal reforms nor new family practices can lead to any substantial improvement for women within the family. What is needed is the revival of a vivid debate among all participants in a well-ordered society.

REFERENCES

1. Rawls, John 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge M A : Harvard University Press.
2. Green, Karen 1986. Rawls, women and the priority of liberty, *Australasian Journal of philosophy*, supplement to Vol. 64, June, pp. 26-36.
3. Rawls, John 1993. *Political Liberalism*, New York : Columbia University Press.
4. Lloyd, Sharon Anne 1995. Situating a Feminist Criticism of John Rawls's Political Liberalism, *28 Loy. L. A. L. Rev*, pp. 1319-1344
5. Rosenbusch, Ute 1998. *Der Weg zum Frauenwahlrecht in Deutschland*. Baden-Baden : Nomos-Verlag.
6. Rawls, John 2001. *Justice as fairness. A Restatement*. Ed. by Erin Kelly. Cambridge M A : The Belknap Press of Harvard University Press.
7. Moller Okin, Susan 2005. «Forty acres and a mule» for women: Rawls and Feminism. *Politics, philosophy and economics*, Vol. 4, pp. 233-248.
8. Hartley, Christine, & Watson, Lori 2010. Is a Feminist Political Liberalism Possible? *Journal of Ethics & Social Philosophy*, Vol. 5, № 1, pp. 1-21.

УДК 130.2

Фисун Е. Г.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

РАСА И ГЕНДЕР В КОЛОНИАЛЬНОМ ВООБРАЖЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ XIX ВЕКА: ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Статья посвящена изучению культурно-национальных, гендерных особенностей репрезентации Востока в европейской живописи XIX века. Автор осуществляет теоретический анализ постколониальных, гендерных теорий и концепций политического дискурс-анализа, а также исследует символику Востока в имперском сознании Европы. Автор выделяет наиболее известные образы Востока в живописи европейских художников XIX века и анализирует их. В статье изучено, что символика Востока как Другого в художественном сознании Европы связана с политико-идеологическими стратегиями империалистического колониального проекта XIX века и становлением европейской культурной, политической и гендерной идентичности. Автор приходит к выводу, что на волне колониального дискурса европейской живописи XIX века в образах гарема, рыночной жизни, военных столкновений и повседневности в колониях и др. были отражены культурные ценности, гендерно-социальные, нравственно-психологические идеи и политические взгляды Европы.

Ключевые слова: Восток, Другой, европейская живопись XIX века, колониализм, ориентализм, постколониальный дискурс.

Стаття присвячена вивченню культурно-національних, гендерних особливостей репрезентації Сходу в європейському живописі XIX століття. Автор здійснює теоретичний аналіз постколоніальних, гендерних теорій і концепцій політичного дискурс-аналізу, а також досліджує символіку Сходу в імперській свідомості Європи. Автор виділяє найбільш відомі образи Сходу в живописі європейських художників XIX століття і аналізує їх. У статті вивчено, що символіка Сходу як Іншого в художній свідомості Європи пов'язана з політико-ідеологічними стратегіями імперіалістичного колоніального проекту XIX століття і становленням європейської культурної, політичної та гендерної ідентичності. Автор приходять до висновку, що на хвилі колоніального дискурсу європейського живопису XIX століття в образах гарему, ринкового життя, військових зіткнень і повсякденності в колоніях та ін.

були відображені культурні цінності, гендерно-соціальні, морально-психологічні ідеї та політичні погляди Європи.

Ключові слова: Схід, Інший, європейський живопис XIX століття, колоніалізм, орієнталізм, постколоніальний дискурс.

The article is devoted to the research of cultural-national, gender peculiarities of representation of the East in the European painting of XIX century. Author performs theoretical analysis of the post-colonial and gender theories and ideas of political discourse analysis, also investigates the symbolism of the East in the imperial perception of Europe. Author highlights the most famous images of the East in the painting of European artists of XIX century and analyses them. It is revealed that the symbolism of the East as Another in artistic perception of Europe is connected with the political-ideological strategies of imperial colonial project of XIX century and with formation of the European cultural, political and gender identity. Author makes a conclusion that on the background of colonial discourse of the European painting of XIX century in the images of harem, market life, war collisions, daily routine in colonies, etc., the European gender, social, moral-psychological ideas and political opinions were shown.

Key words: the East, Another, European painting of XIX century, colonialism, orientalism, post-colonial discourse.

Среди современных философских концепций постколониальные исследования сегодня играют важную роль в изучении национальной, гендерной и расовой идентичности. Постколониальные исследования стали попыткой определить инструментальный аппарат микрополитики европейского империализма, а также обозначить принципы построения оппозиций *империя – колония, центр – периферия, западный и не-западный (восточный, азиатский) мир*. Считается, что основой для постколониального дискурса стала концепция «ориентализма» Э. Саида [12], которая в дальнейшем была развита в европейской и американской философской традиции. Классиками постколониализма выступают: Я. Ставракакис [16], Г. Спивак [15], Х. Бхабха [4], Р. Моханрам [20]. Также исследованием парадигмы «Запад – Восток» и критикой европоцентристского культурно-политического проекта занимались теоретики политического дискурс-анализа: И. Нойманн [11], С. Хантингтон [18], М. Фуко [17], С. Соколовский [13], А. Соловьева [14], И. Валлерстайн [5].

Проблематика нашего исследования заключается в недостаточной изученности художественных образов Востока в контексте постколониального и политического дискурс-анализа, а также с точки зрения формирования в живописи XIX века определенных художественных конструктов европейской политической идеологии. *Степень разработанности темы*, касающейся исследования ориентализма как художественного направления в литературе, музыке, изучения тем Востока в европейской живописи XIX века достаточно высока в отечественном и зарубежном искусствоведении, но не была изучена в качестве предмета философско-антропологического, постколониального, политического, гендерного анализа.

Актуальность темы исследования обусловлена значительным интересом современного европейского общества к Востоку и ориентальному стилю в искусстве; популярностью сегодня концепций мультикультурализма, постколониального психоанализа и постмодернистских теорий национальной идентичности в философии (например, Р. Бернстайна [2], Э. Смита, С. Жижека [7], И. Валлерстайна).

Актуальность проблематики данной статьи состоит в том, что сегодня многие вопросы в исследовании особенностей репрезентации Востока в изобразительном искусстве выходят за рамки исключительно искусствоведческого анализа и остаются неизученными: во-первых, потребность в изучении философской и историко-культурной эволюции образов Востока в европейском сознании и в формировании европейской культурной, гендерной, национальной идентичности; во-вторых, необходимость исследования формирования разнообразных образов Востока в современных практиках масс-медиа; в-третьих, потребность в изучении эволюции взаимоотношений «Восток – Запад» в европейской истории. *Научная новизна статьи* определена попыткой исследовать символику Востока в европейской живописи XIX века, опираясь на философию постколониализма, гендерную критику и политический дискурс-анализ.

Целью данного исследования является изучение культурно-национальной и гендерной семантики Востока в европейском сознании на материале европейской живописи XIX века в

контексте постколониального и политического дискурс-анализа, а также определение принципов формирования колониального («имперского», «завоевательного») дискурса в системе художественных образов Востока. Перед нами также стоит несколько важных *задач*: а) рассмотреть теоретические концепции известных исследователей гендера, постколониализма и политического дискурс-анализа, посвященные изучению Востока и политических ориентаций Европы; б) выявить историческую, национально-психологическую и культурную символику Востока в европейской живописи XIX века; в) выделить главные образы и идеологические стратегии репрезентации Востока как европейского Другого в живописи, опираясь на постколониальную критику, политический дискурс-анализ и гендерную теорию.

Материалом для исследования выступают разнообразные изображения Востока в живописи европейских художников XIX века: гаремной жизни (Ж. О. Д. Энгр, Ж.-Л. Жером, Т. Шоссерио, Ж.-Ж. Бенжамен-Констан, Ф. Гудаль), рыночной торговли на Востоке (Дж. Левис, Дж. Сарджент, Ч. Фрей, Э.-А. Жирарде), опиумных притонов и восточных курильщиков (М. Бауэр, Ж. Лэкомтэ ду Нойо, Э. Рихтер, В. Верещагин), тюремного заключения и смертельных схваток (А. Реньо, О.-Ф. Биар, Т. Жерико, Э. Делакруа и др.).

Методологической основой исследования выступают: постколониальный подход в современной теории культуры и философской антропологии (Х. Бхабха, Э. Саид, Г. Спивак, Я. Ставракакис, Р. Моханрам, В. Браун [3]), включающий гендерную теорию и феминистский анализ визуальных текстов (Л. Малви [10], И. Кон [9], Л. Иригарэ); теории гегемонии и критики власти (Р. Барт, А. Грамши, М. Фуко); метод политического дискурс-анализа (концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, «русского Другого» С. Соколовского, «этнических Других» А. Соловьевой, геополитического анализа И. Нойманна [11]); теории национализма (Дж. Армстронг [1], Э. Балибар); философия Другого (Ж. Лакан, Ж.-П. Сартр, С. Жижек).

Основой для постколониальных исследований выступила концепция «ориентализма» Э. Саида (1979), в которой автор раскрыл политико-идеологические притязания Запада на статус и развитие Востока. Кроме Э. Саида об основных идеологических стратегиях формирования ориентализма на Западе также говорили исследователи постсоветского пространства: А. Соловьева, И. Валлерстайн, С. Соколовский. Авторы выделили идеологическую основу колониальной политики европейских держав, в которую входят: 1) утверждение европоцентризма как единственно верной идеологии; 2) подтверждение доминирующего значения Европы в формировании этнографической карты мира и геополитического сознания; 3) стремление инкорпорировать Восток в политическое пространство западноевропейской гегемонии; 4) реализация политики интеллектуального просвещения всех не-европейских народов [см.: 13; 5, с. 11]. По этой причине Восток привлекал особое внимание и европейских живописцев XIX века, так как жизнь в его краях можно было противопоставить лоску имперской жизни и идеалистической эстетике английской и французской буржуазии.

Теоретики политического дискурс-анализа (С. Соколовский, А. Соловьева, И. Нойманн) видят Восток в качестве объекта западного обновления и политического господства. Обобщая их концепции, можно сказать, что самоопределение Запада происходило посредством этноклассификации, стереотипизации, категоризации, установления социальных, нравственно-этических различий между Европой и Востоком. С. Соколовский подчеркнул, что номинирование Востока как становящегося и незавершенного проекта культуры помогли Европе окончательно обосновать силу своего влияния и политический статус [13, с. 49].

В свою очередь, исследуя культурно-национальные и психологические структуры европейского колониализма XIX века, И. Валлерстайн акцентировал свое внимание именно на политических целях, которые ставила перед собой империя. Одной из главных, по его мнению, была смена «риторики власти» – освобождение от влияния моральных догматов церкви и христианства, и плавный переход к утверждению прав человека на законодательном уровне (например, «Всеобщей декларации прав человека», которую спешила внедрить Англия в колонизованной Индии) [5, с. 9]. Увенчание самоуверенной Европы И. Валлерстайн назвал «европейским универсализмом» в форме концепта, под которым автор подразумевает признание и утверждение гендерных, культурных, национальных и политических ценностей

Запада (или ценностей «белой культуры», «белых мужчин») как единственно универсальных [5, с. 47].

Основным принципом формирования национальных политик западноевропейских империй, возвращаясь к размышлениям Э. Саида, стала социокультурная оппозиция «империя / периферия» (или «метрополия / колония», «центр / периферия»). Именно статус провинциальной замкнутости и бесперспективности в развитии подчеркивает неполноценность Востока в обладании им правом быть образцом гражданственности. Похожим образом А. Соловьева выделила оппозицию «город / деревня» в отдельную социокультурную дихотомию наравне с другими формами реализации этнических политик: «традиционное / современное», «крестьянское / индустриальное» [14, с. 139]. Именно оппозиция «империя / провинция» легла в основу маргинализации Востока и конструирования европейской гегемонии.

Еще одна политико-культурная стратегия оправдания западного колониализма заключалась в представлении Запада и Востока в символических дихотомиях: «природа / культура», «варварство / цивилизация», «жизнь / смерть». Отдельно С. Хантингтон выделяет оппозиции «владение / зависимость», «господство / подчинение», в которых Восток всегда занимает место «зависимого» и «подчиненного» субъекта в отличие от своего собрата – «господствующего» Запада [см.: 18]. Использование закрепленной семантики Востока как Другого, а также оценка его отношений с Западом в оппозициях могли помочь империи решить немало задач: подорвать не-европейскую идентичность и объявить восточное сообщество маргинальным, а значит «слабым» и «неравноправным» европейцам; ликвидировать право на возможное обладание гегемонией и правом стать империей; изъять черты «европейскости» как оригинальные и присущие только Европе. В связи с этим художественная идеология ориентализма в живописи XIX века соответствовала одному из принципов конструирования политической идеологии империй данного времени: обозначить важность европейской идентичности в исправлении и обучении «варваров», а также указать им путь к «европейской одинаковости» (в терминологии И. Нойманна) [11, с. 136].

Гендерные и расовые предрассудки в различении Востока и Запада были предметом изучения Р. Моханрам, Г. Спивак, Я. Ставракакиса. Сексуальное порабощение, ущемление гендерных и социальных прав восточных женщин стали предметом внимания в постколониальном дискурсе Г. Спивак, которая настаивала на необходимости «услышать» вынужденное молчание женщины Востока, подчеркнув политическое давление европейской капиталистической системы в акте целенаправленного ущемления женского голоса и жеста [см.: 15]. Р. Моханрам обратилась к исследованию колониального «черного тела», обладателя которого с не-белоснежной кожей она рассматривает как субъекта, находящегося за рамками социокультурного пространства [см.: 20]. В свою очередь, Я. Ставракакис утверждает, что культурно-политическая стратегия различения Европы с Востоком как Другим базируется на присуждении Востоку «аффективных либидиальных связей», а также репрезентации «опыта наслаждения», сконструированном по европейскому образцу [см.: 16]. В формировании образа Востока играют роль европейские фантазии о том, что Восток больше чем Европа наслаждается женским присутствием, не зная чувства меры в этом. Он акцентировал внимание на «националистической ненависти» Европы как механизме репрезентации Востока как Врага, который, по утверждению Я. Ставракакиса и Н. Хрисолораса, «украл наслаждение» [см.: 16] и нагло хвастается правом на искушение женщинами.

Теперь на материале европейской живописи XIX века мы попытаемся реконструировать те политические, гендерные и культурно-национальные представления Европы о Востоке, связанные с победой европоцентризма, и которые активно критикуются теоретиками постмодернистских концепций. Мы можем типологизировать изображения Востока в европейской живописи XIX века: образы «восточного гарема» как института сексуального рабства; образы «восточного базара» как экономической отсталости; образы «восточной курильни» как проявления психиатрических отклонений у жителей азиатских окраин; образы агрессивной по отношению к другим народам «восточной войны»; «образы восточной тюрьмы» как воплощение жестокости восточных людей.

Образы «восточного гарема» (в живописи Ж. О. Д. Энгра «Внутри гарема» 1828, Ж.-Л. Жерома «В бассейне гарема» 1846, Ж.-Ж. Бенжамен-Констана «Одалиска» 1882,

Э. Делакура «Одалиска» 1857 и др.) являются примерами изображения сексуального порабощения, ущемления гендерных и социальных прав восточных женщин. Важно отметить, что в изобразительных формах «восточного гарема» живописцы XIX века отразили «фаллоцентрическое» (в терминологии Ж. Деррида) [см.: 9; 10] видение роли женщины, когда можно интерпретировать европейские идеалы женской сексуальности сквозь призму образов гаремной любви. Именно в образах гаремной жизни, полуобнаженных женских тел и в интимных сценах с участием восточных мужчин и одалисок художники XIX века воспроизвели семантику «мужского взгляда» европейца.

В гендерной теории Л. Малви, И. Кона, Л. Иригарэ «мужской взгляд» [см.: 10] европейца выступает одним из центральных объектов исследования. Художественный интерес к обнаженной и откровенной восточной культуре можно рассматривать как проявление «скопофилии» (изначально понятие ввел З. Фрейд), то есть желаний познавать запретное и подглядывать за тем, что спрятано за ширмой закрытой и консервативной мусульманской культуры. Основываясь на теорию национализма Я. Ставракакиса, можно сказать, что в метафоре «восточного гарема» европейские художники XIX века объективировали «националистическую зависть» Европы [см.: 16] и европейские сексуальные фантазии. Здесь Восток демонстрирует телесный опыт, который, в свою очередь, не признавался и отвергался европейской идеологией и его главным носителем – Западом.

В связи с развитием рыночной торговли между европейскими империями и торговли на колонизованном Востоке в живописи XIX века появились образы «восточного базара»: изображения стихийных рынков, торговых караванов, повседневной торговой и ремесленнической деятельности, будничной жизни и досуга на торговых площадках (Ж.-Л. Жером «Торговля коврами», Т. Фрей «Базарный день в Каире», В. Верещагин «Продавцы посуды в Узбекистане», А. Пассини «Торговая площадь» и др.). Семантику «восточного базара» можно рассматривать как некий «нарратив» и «культурный конструкт» (термины, которые использует Х. Бхабха [см.: 4]), идентифицирующий Восток по экономическим критериям. Изображая активную, часто даже сумбурную «базарную жизнь» на Востоке: продажи разных товаров (в живописи Т. Фрея «Базарный день в Каире», Дж. Льюиса «Каирский базар»); торговлю рабами и голыми невольницами (в живописи Х. Аранда «Slave for Sale» 1892, Д. Россо «Рынок белых рабов», Ж.-Л. Жерома «The Slave Market» 1866, Э. Норманда «Вкус рабства» 1885, О.-Ф. Биара «Работорговля» 1840 и др.), европейские художники XIX века реконструировали систему социально значимых символов единства и сплоченности азиатской ментальности.

В рамках концепции «географического символизма» Дж. Армстронга [1] можно интерпретировать метафору «восточного базара» как систему образов, в которой воплотились ментальные характеристики и этнокультурные представления о Востоке. «Восточный базар» в определениях А. Соловьевой функционирует в качестве системы этнических качеств азиатов: накопительства, тяги к богатству, проворности, которые присваиваются Европой через художественную реализацию в живописи европейских художников XIX века.

Похожа семантика образов «опиумных курений» в европейской живописи XIX века, в которых осмыслена расовая психология восточных людей (в живописи И. Лазерге «Мавританское кафе в Алжире», М. Бауэра «Курильщики опиума», В. Верещагина «Опиумеды» 1868 и др.). Образы «восточных курений» в грязных притонах и восточных кафе выступают в живописи в качестве источника для объективизации коллективного опыта жизни на Востоке. Здесь акт курения, опираясь на рассуждения А. Соловьевой и С. Соколовского, следует рассматривать как реализацию этнокультурных характеристик, приписываемых Европой Востоку в живописи: воображаемой сплоченности этноса и устойчивости этнокультурных границ [см.: 13; 14]. Следует отметить, что появление этих образов связано с историческим опытом Европы: волнениями вследствие Опиумных войн и наркотических эпидемий, захвативших Запад в XIX веке. Поэтому «опиумные курения» стали ключевыми сюжетами как литературных произведений (в романах Ч. Диккенса «Тайна Эдвина Друда» 1870 и О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» 1891, в рассказе А. Конан-Дойля «Человек с искривленной губой» 1892), так и живописи XIX века (Ж.-Л. Жером «Aeronaut blowing smoke in his dogs nose» 1882, В. Верещагин «Политики в опиумной лавке» 1871, Дж. Левис «Study of a seated Turk smoking a long pipe» и др.).

Например, идея картины В. Верещагина «Опиумеды» 1868, отталкиваясь от рассуждений А. Соловьевой, является этномифологической, так как, во-первых, курение репрезентирует Восток строго стратифицированным (убогие курильщики в притонах / богатые жители роскошной гаремной обители), а во-вторых, в форме ритуала воплощает психосоматический опыт коллектива [14, с. 106-107]. Следовательно, посредством живописи образ Востока обретает общность групповых проблем этноса: в образах «опиумных курений» были обнажены бедность, злополучие Востока и жизненная разочарованность, а также запущенное социально-экономическое положение Европы и, так называемая, «ностальгия» [см.: 1] по утраченному европейскому благополучию.

Интересно проанализировать образы военных схваток, тюремных арестов, религиозных и политических столкновений на Востоке в европейской живописи XIX века (Э. Делакруа «Резня на Хиосе» 1824, «Поединок гяура с пашой» 1827, Т. Жерико «Битва при Абукире», А. Реньо «Казнь без суда при мавританских королях Гренады», О.-Ф. Биар «Дюкесн освобождает рабов-европейцев в Алжире» 1837). Обращаясь к «микрофизике власти» и критике пенитенциарной тюрьмы М. Фуко [17], можно сказать, что в образах «восточной тюрьмы» и «восточной войны» европейские живописцы изобразили, как Западная Европа практикует насилие и форматирует нравы восточного этноса, становится для него источником манипулирования и контроля.

Например, в картинах Э. Делакруа «Фанатики Танжера» (1837), «Резня на Хиосе» (1824), Т. Жерико «Битва при Абукире», Ж.-Л. Жерома «Головы беев-предателей» (1866), «Стражники у ворот» (1861) европейские живописцы запечатлели иллюзорную дикость и жестокость азиатского населения, создали иррациональный образ Востока, воплощающий своего рода негативное Я Запада. Образы «восточной войны» и «восточной тюрьмы» на Востоке наилучшим образом передают последствия экспансии, кровавых боев, подтверждают вероломство восточных людей. Художественный взгляд был направлен на изображение самого процесса ареста и войны с Востоком, который представлен «по-азиатски роскошный и по-турецки жестокий» [8, с. 221].

В качестве *выводов* следует обозначить, что в данном исследовании мы очертили семантику Востока в общественном и художественном сознании XIX века, опираясь на современные философские концепции теоретиков постколониализма, политического дискурс-анализа и гендерных исследований. Мы увидели, что в европейской живописи XIX века Восток как символическая модель действительности отразила линии колониальной политики великих империй XIX столетия: Англии, Франции, Голландии и других стран.

Различение Европы с Востоком и Европы с европейскими перифериями осуществляется в социокультурных оппозициях *метрополия / колония* или *центр / периферия* (что равносильно оппозиции *субъект-Другой*) с помощью экстраполяции европейского исторического опыта, метафоризации, идеализации западной культуры и демонизации восточной действительности в художественных образах изобразительного искусства.

В европейской живописи XIX века колониальный дискурс отразился в метафорах «восточного гарема», «восточного базара», «опиумных курений», «восточной войны», «восточной тюрьмы». В образах Востока европейские живописцы репрезентировали культурно-национальные интересы, ментальные стереотипы колониальных империй Европы, а именно: метафора «восточного гарема» развенчивает гендерно-социальные представления; «восточный базар» воспроизводит надежды на экономическое господство в мире; образы «опиумных курений» воссоздают просвещенческие идеалы о Европе как хранительнице интеллектуализма; национальный фанатизм восточных народов, воплощенный в метафорах «восточной войны», «восточной тюрьмы» и «восточной казни», легализует нравственную безупречность политики колониализма.

Мы должны подчеркнуть, что в сюжетах изобразительного искусства XIX века были отражены главные культурно-национальные и политические стереотипы восприятия Востока, сформированные в европейском сознании разных стран и реализованные в живописи в определенных образах-символах. Гаремные сцены преобладают в западноевропейской живописи XIX века, и это означает, что именно *гарем* наилучшим образом визуализирует представления Франции, Англии, Голландии, Италии, Германии и других европейских стран о Востоке как о пространстве разврата, деспотии, женского повиновения. Аналогично гарему,

образы *восточного базара и курильни, тюрьмы и войны* в живописи XIX века передают идейное содержание империалистического колониального проекта Европы, которая стремилась к безупречной репутации и мировому господству. Мы убедились в том, что художественные образы в европейской живописи XIX века демонстрируют всю полноту политической обусловленности и идеологической сконструированности представлений о Востоке в европейском сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армстронг Дж. Нації до націоналізму / Дж. Армстронг ; [під ред. О. Проценко, В. Лісового] // Націоналізм. Теорії нації та націоналізму від Йогана Фіхте до Ернеста Гелнера : [антологія]. – К. : Смолоскип, 2006. – С. 294-300.
2. Бернстайн Р. Восток, Запад и секс. История опасных связей / Ричард Бернстайн ; [пер. с англ. Т. Азаркович]. – М. : АСТ: CORPUS, 2015. – 448 с.
3. Браун В. Субъекты толерантности: почему мы цивилизованы, а они варвары / В. Браун ; [под ред. И. Жеребкиной] // Гендерные исследования. – 2009. – № 19 (1/2009). – X. : ХЦГИ. – С. 43-69.
4. Бхабха Х. Местонахождение культуры / Х. Бхабха ; [под ред. В. Дунаева] // Перекрестки. – 2005. – № 3-4. – Минск : Новапринт, 2005. – С. 161-191.
5. Валлерстайн И. Европейский универсализм: риторика власти / И. Валлерстайн ; [под ред. А. Погорельского] // Прогнозис. – 2008. – № 2 (14). – С. 3-56.
6. Европейское искусство XIX – XX веков: исторические взаимосвязи : [сборник]; [под ред. И. Поповой, И. Светлова]. – М. : Искусство, 1998. – 281 с.
7. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / С. Жижек ; [пер. с англ. А. Смирнова; под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна]. – СПб. : Алетейя, 2005. – 156 с. – (Серия «Лакановские тетради»).
8. Жюллиан Ф. Эжен Делакруа / Ф. Жюллиан ; [пер. с фр. И. В. Радченко]. – М. : Искусство, 1986. – 221 с.
9. Кон И. Мужчина в меняющемся мире / И. Кон. – М. : Время, 2009. – 496 с.
10. Малви Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф / Л. Малви // Антология гендерной теории. – Минск : Пропилеи, 2000. – С. 280-297.
11. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн ; [пер. с англ. В. Литвинова и И. Пильщикова; предисл. А. Миллер]. – М. : Новое издательство, 2004. – 336 с.
12. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб. : Русский мир, 2005. – 636 с.
13. Соколовский С. Образы Других в российских науке, политике и праве / С. Соколовский. – М. : Путь, 2001. – 235 с.
14. Соловьева А. Этничность и культура: проблемы дискурс-анализа / А. Соловьева. – Архангельск : КИРА, 2009. – 231 с.
15. Спивак Г. Ч. Могут ли угнетенные говорить? / Г. Ч. Спивак // Введение в гендерные исследования : [хрестоматия; Ч. 2.]. – X. : ХЦГИ ; СПб : Алетейя, 2001. – С. 649-670.
16. Ставракакис Я. (Я не могу не получить) свое наслаждение: лакановская теория и анализ национализма / Я. Ставракакис, Н. Хрисолорас ; [под ред. И. Жеребкиной] // Гендерные исследования. – 2008. – № 18 (2/2008). – X. : ХЦГИ. – С. 242-265.
17. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; [пер. с фр. В. Наумовой; под ред. И. Борисовой]. – М. : Ad Marginem, 1999. – 184 с.
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; [пер. Новикова Ю.; под ред. Кривцовой Е., Велимеева Т.]. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
19. Das Zeitalter des Kolonialismus / Herausgegeben in Zusammenarbeit mit der WBG // Damals. Das Magazin für Geschichte und Kultur. – Augsburg : Himmer AG, 2007. – 128 s.
20. Mohanram R. Black body. Woman, Colonialism and Space / R. Mohanram. – London : University of Minnesota Press, Minneapolis, 1999. – 250 p.